

Санкт-Петербургский государственный университет

**ГЕНЕРАТИВНЫЙ АСПЕКТ СЕМИОТИЗАЦИИ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ
КЁНИГСБЕРГА/КАЛИНИНГРАДА)**

Выпускная квалификационная работа по направлению: Философия
Основная образовательная программа: Культурология (Культура Германии)

Исполнитель:
Резвухина Анна Ильинична

Научный руководитель:
д.ф.н., доц. Артамошкина Л.Е.

Рецензент:
к.филос.н., старший преподаватель
Очеретяный К. А.

Санкт-Петербург
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. Теоретические основания аналитики городского пространства	6
1.1 «Пространство», «место», «культурный ландшафт»: понятийный аппарат аналитики городского пространства	6
1.2 Функции места в семиотизации городского пространства	15
2. Феномен руин	23
2.1 Материальные носители памяти.	23
2.2 Хронотопичность руин и её роль в формировании и сохранении идентичности	28
3. Калининград и руины Кёнигсберга: «память поколений»	35
3.1 Первые переселенцы	35
3.2 Первооткрыватели terra incognita.....	41
3.3 «Русские европейцы» или «европейские русские»?.....	46
Заключение	53
Список литературы	56

ВВЕДЕНИЕ

Взаимообусловленность человека и пространства необычно важна с точки зрения самоидентификации как каждого отдельного человека, так и целых общностей. Только через самоопределение в пространстве и наделение смыслом этого окружающего группу или общность пространства возможно возникновение так называемого «осмысленного пространства», или же культурного ландшафта, в котором дано наше бытие. Чрезвычайно семиотически насыщенным видом пространства в наше время является город, и именно на материале городского пространства представляется возможным проведение наиболее глубоких и многоаспектных исследований процессов семиотизации пространства.

При этом необходимо отметить, что восприятие пространства изменяется в диахронической перспективе. Каждое новое поколение привносит в процесс семиозиса что-то новое, переосмысливает и реактуализирует прежние культурные коды и работает с ними. Изучение памяти поколений и поколенческого аспекта семиотизации необходимо для понимания того, каким образом происходит сохранение групп во времени, обеспечение преемственности культурной традиции.

Исходя из вышеизложенного, выбранное нами для рассмотрения процессов семиотизации городское пространство Калининграда представляет большой исследовательский интерес постольку, поскольку на данном пространстве оформилась уникальная ситуация, когда материальные объекты, являющиеся носителями культурной памяти одной группы и культуры, оказались отторгнуты от своих исходных смыслов и пришли во взаимодействие, были подвергнуты процессу переосмысления новыми жителями, принадлежащими иной традиции и культуре. Большую значимость данному исследованию придаёт также и то, что в случае Калининграда включение или отторжение одного смыслового поля другим может быть непосредственно наблюдаемо и анализируемо, что обеспечивается относительно близким временным промежутком

происходящих процессов семиотизации (в пределах последних 80 лет), и условной свободой от последующих наслоений.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что в настоящее время, когда из-за глобализации наступает кризис исторического сознания и происходит размывание всех видов идентичности (языковой, поколенческой, культурной и т.д.), появляется необходимость осмыслить сам феномен культурной памяти, в том числе такие явления как культурный ландшафт и память поколений, исследованию которых и посвящена данная работа. При этом в качестве конкретного городского пространства, относительно которого рассматривается поколенческий аспект семиотизации, выбран город Калининград, для жителей которого проблемы самоидентификации и отношения к культурной памяти встают с особой остротой.

Объектом данного исследования является процесс семиотизации городского пространства, а в качестве **предмета исследования** выступает генеративный (поколенческий) аспект семиотизации городского пространства.

Целью исследования является изучение поколенческого аспекта семиотизации городского пространства, причём исследование проводится как на теоретическом уровне, так и на практическом уровне в отношении конкретного городского пространства Калининграда. К **задачам исследования** относится: 1) дать определение понятий «место», «культурный ландшафт» и «город» для дальнейшего использования при анализе объекта исследования; 2) выявление особенностей взаимосвязи генеративного аспекта семиотизации и культурной памяти; 3) определение функций материальных носителей культурной памяти; 4) характеристика феномена «руин» и выявление его специфики; 5) проверка выводов теоретической части работы в практической части исследования;

б) определение особенностей семиотизации городского пространства Калининграда, характерных для каждого из выделяемых поколений.

Методология – культурологический анализ в работе проводится на основе отечественных и зарубежных источников. Теоретическая часть опирается на труды Ю.М. Лотмана (выдвинувшего концепцию семиосферы), А. и Я. Ассманов (работы по культурной и коллективной памяти, отчасти – по проблематике памяти поколений), понятие культурного ландшафта рассматривается с позиций Д. Н. Замятина, В. Л. Каганского, О. А. Лавреновой и В. Н. Калуцкова. Для практической части были использованы работы как отечественных учёных, историков и регионоведов, занимающихся изучением Калининграда, таких как Ю. В. Костяшов и А. М. Сологубов, так и зарубежных авторов, работающих с темой преемственности Калининграда и Кёнигсберга – П. Бродерсена, Б. Хоппе.

Структура данной работы состоит из введения, трёх глав и заключения. **В первой главе** анализируется феномен включённости человека в пространство и обусловленная этим его семиотизация, а также соподчиненные ей процессы образования, хранения и генерации культурной памяти группы, связанной с конкретным пространством, и поддержание посредством памяти групповой идентичности. **Во второй главе** рассматривается особый вид культурного ландшафта - руины, выдвигается тезис о хромотопичности этого вида пространства. **В третьей главе** выявляется связь между изменением семиотических рамок памяти и сменой поколений на примере города Калининграда и его руин старого Кёнигсберга, выделяются три основных этапа изменения конфигураций семиозиса - отрицание, забвение и принятие.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИТИКИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

1.1 «Пространство», «место», «культурный ландшафт»: понятийный аппарат аналитики городского пространства

Пространство – одна из ключевых доминант человеческого существования. Пространственное чувство есть общая характеристика человеческого опыта. Но не только человек обусловлен пространством, вне которого он не существует, но и сам в, свою очередь, подвергает пространство качественным изменениям, превращая его в «жилище», место, само пространство подвергается качественным изменениям, благодаря ему, становясь «жилищем», **местом**: «...всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования ее в качестве «жизненного пространства», предварительно превращается из «хаоса» в «космос»»¹.

Поворотным моментом в изменении понимания пространства стала позиция М. Хайдеггера, подчеркнувшая и углубившая неразрывную взаимосвязь между бытием и местом (всё «имеет место быть») – бытие Хайдеггер выражает через понятие *Dasein*. «*Dasein* описывает индивидуальное существование человека в его фундаментальной данности, «бытие-в-мире» (*In-der-Welt-sein*)»², это такой способ бытия, который исходит из позиции «там/здесь». Происходит переход от мышления о пространстве из него самого к мышлению пространства в нас³, место отсылает нас к онтологической структуре «данности» (или «помещённости»), без которой человеческое бытие немислимо. «Место

¹ Элюаде М. Космос и история. Избранные работы. С. 38.

² Wesener A. The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 39.

³ Подорога В. А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. С. 277.

<...> представляет собой саму основу человеческого существования, функционально, метафизически и эмоционально».¹

Процесс мышления по Хайдеггеру также топологичен, определен топосом, местом, причем это проявляется по крайней мере тремя способами – 1) место как объект фокусировки мышления, то, о чем мы заинтересованы думать и говорить; 2) место как горизонт мышления, ограничивающий и структурирующий его; 3) место как источник мышления, из которого оно получает направление и поддержку.² Мысль зависит в своём порождении, развитии и оформлении от места, появляется «неразрывная целостность мысли и территории, одновременно порождающих друг друга»³. Согласно М. Фуко, «географическое пространство <...> не что иное, как следствие целенаправленных мысленных или философских усилий, которые как бы непосредственно и «воочию» буквально сооружают, формируют его вокруг себя», а В.А. Подорога выдвинул идею о том, что географическое пространство является «естественным полем или контекстом любой возможной и потенциально продуктивной, ориентированной на себя мысли».⁴ Пространство предстает тотально-ментальным, пронизанным мыслью и определяющим её.

Место – это «единство, которое охватывает единство времени и пространства, а также экзистенциальности и фактичности, вещи и мира»⁵, но при этом единство данности везде конкретизируется по-разному, оставаясь одинаковым по сути. Место постоянно вокруг нас, мы всегда находимся в каком-то месте; мы находим себя *уже* в мире, наше существование всегда *уже данное*.

В связи с этим, помимо отношения к нам места в смысле данности как таковой, необходимо указать и на помещённый, данный характер нашего

¹ Wesener A. The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 101.

² Malpas J. Heidegger and the Thinking of Place: Explorations in the Topology of Being. P.13.

³ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 92.

⁴ Замятин Д. Н. Феноменология географических образов.

⁵ Malpas J. Heidegger and the Thinking of Place: Explorations in the Topology of Being. P.40.

существа в конкретных местах, в которых мы живём и перемещаемся, через которые и по отношению к которым формируется наша жизнь и самосознание, которые символически и знаково плотно нагружены из-за контакта с человеческим сознанием. Причём, одному и тому же месту может принадлежать радикально различное содержание, более того, даже то же самое место и то же содержание может быть воспринято по-разному. Место есть, таким образом, множественная и динамичная семиотическая среда; оно, во-первых, «моделирует универсум: структура мира построенного и обжитого переносится на весь мир в целом»¹, а, во-вторых, место «моделируется универсумом: мир, создаваемый человеком, воспроизводит его представление о глобальной структуре мира»². Г. Лефевр говорит о «производстве пространства», которое предстает перед нами в «очеловеченном», «пассивно-испытанном» через образы, знаки и символы в виде, и стремится к «более или менее непрерывным, связным системам невербальных символов и знаков».³ Место становится воплощением смыслового кода.

Понимание места как некоей знаковой системы, построенной на смысловом коде, получило развитие в концепции **«культурного ландшафта»**. Активное и внимательное обращение к культурному началу пространственных явлений началось в 90-е годы XX века (Ю.А. Веденин, В.Л. Каганский, В.Н. Калущков, Р.Ф. Туровский, О.А. Лаврёнова, Д.Н. Замятин и др.), преимущественно в работах исследователей гуманитарной географии, изучающей различные способы представления и интерпретации пространства в человеческой деятельности, включая ментальную. Истоки такого подхода можно усматривать в теориях О. Шпенглера («материнский ландшафт» как смысловое поле зарождения и

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 676.

² Там же.

³ Wesener A. The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 114.

развития цивилизации), А. Тойнби (география как одно из условий генезиса цивилизаций; «вызов» природы и «ответ» цивилизации).

Аспектами, объединяющими разнообразные подходы к культурному ландшафту, являются: 1) соотнесение (сопоставление или противопоставление) культурного и природного ландшафта; 2) существенная зависимость человеческой деятельности от физического пространства; 3) активное взаимодействие человеческой деятельности и среды (преобразование, приспособление, уничтожение); 4) наличие функций культурного ландшафта в культуре.¹ Ключевыми для нашего исследования являются символический, аксиологический, семиотический подходы к культурному ландшафту, то есть рассматривающие соотнесенность места (ландшафта) и рефлексирующего, воспринимающего его сознания.

Согласно концепту В.Л. Каганского, «культурный ландшафт - земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей, если это пространство одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически»². Важен вопрос подлинности – сохранение ландшафтом аутентичных признаков (природных, материальных, ментальных), где под аутентичными подразумеваются признаки, отражающие корни, историю, смысл уникального места. Основная ценность ландшафта – богатство смыслом; каждое место имеет смысл, но это не «нагромождение, свалка смыслов, а плотная многослойная ткань культурных ландшафтов».³

Концепт Ю.А. Веденина подчеркивает «значимость интеллектуальных и духовных культурных ценностей как самостоятельного компонента культурного ландшафта», хоть и находящегося в тесной

¹ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Стр.32-35.

² Там же.

³ Там же.

взаимосвязи с компонентом природным¹ – вводится информационно-аксиологический подход, оперирующий с понятиями культурного наследия, ценностей, целостности.² Немаловажен акцент на том, что культурный ландшафт в качестве ментальной конструкции базируется «на значимости определенных мест, запретов, мифологических представлениях; хранится и поддерживается в общественном сознании, то есть сознании и памяти общества»³.

Концепт Калуцкого продолжает социокультурную направленность: «ландшафт понимается как биография местности, как продуцент социальной жизни <...>, как часть повседневной жизни»⁴. Культурный ландшафт есть единство людей и окружающей их среды; из-за связи с сообществом людей ландшафты подвержены постоянным изменениям, в том числе процессам семиотизации, в ландшафт принесены «различные содержания – психологическое, религиозное, эстетическое, моральное»⁵, он наделён определенными качествами и свойствами, коррелирующими со знаниями и представлениями сообщества. «Место всегда наделено смыслами, оно переживается человеком»⁶. С этим сопряжена репрезентация места и «чтение ландшафта» - интертекста – состоящего из «разных типов и форм репрезентаций – современных и исторических карт, рисунков и картин, фотографий и космических снимков, поэтических, прозаических и фольклорных текстов и т.д. Чтобы его прочесть, нужно освоить и понять язык, на котором он «написан» (территориальный культурный код)»⁷. Более того, культурный ландшафт не только передает вложенный в него смысл, но и перерабатывает его, вырабатывает новые смыслы.

¹ Ведин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект наследия. С. 68.

² Там же. С. 15-16.

³ Там же. С. 118.

⁴ Калуцкий В.Н. Ландшафт в культурной географии. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Там же. С. 128.

Концепт Д.Н. Замятина основан на представлении, что «всякая территория... может быть репрезентирована как целенаправленный, детально структурированный образ»¹. Как инвариант² понятия культурного ландшафта Замятин рассматривает понятие географического образа – это «индивидуальный или групповой (профессиональный, социальный, этнокультурный и т.д.), эмоционально убедительный (яркий) и информационно сжатый (компактный) синтез гуманитарно-географических представлений о территории с какими-либо целями (научными, политическими, социокультурными, экономическими)»³. Этот образ аккумулирует в себе видимое, слышимое, чувствуемое, ощущаемое, воспринимаемое и воображаемое пространство; это система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, стереотипов, архетипов, мифов, характеризующих определённую территорию⁴. Замятин указывает на то, что образные системы являются субъект-объектными, так как субъект образов находится внутри своего объекта (определённой территории), а культурные ландшафты тесно связаны с «эмоциональным, рациональным и концептуальным переживанием пространства»⁵. Выделяет он также понятие «знакового места», которым может стать «любое географическое пространство, осмысляемое (наполняемое экзистенциальными смыслами) с помощью историко-культурного, социального, политического, географического воображения на основе реальных или вымышленных событий»⁶.

В соответствии с концептом Лаврёновой, «культурный ландшафт – явление, лежащее в том срезе семиосферы, где знаковые системы культуры оказываются напрямую связанными с географическим пространством в

¹ Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы. С. 11.

² Замятин Д. Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели. С. 13.

³ Замятин Д. Н. Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы. С. 14.

⁴ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели. С. 13.

⁵ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 180.

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук. С. 34.

целом и его отдельными объектами в частности»¹. Лаврёнова рассматривает пространство напрямую как систему культурных кодов, посредством которых культура «заново структурирует пространство своего обитания, и представления о среде превращаются в знаковую систему»², как пространственный интертекст³, чье считывание, восприятие есть одновременно с тем его изменение и обновление. Знаками в таком тексте выступают собственно географические объекты и топонимы, которые «означают определенные смысловые категории или архетипы»⁴, выстраивают образ мира.

Многообразие культурных ландшафтов в качестве знаковых систем перекликается с концепцией семиосферы (семиотического пространства) Ю.М. Лотмана, но с пространственным содержанием. Семиотический подход трактует культуру как способ постоянного порождения, распространения, освоения и закрепления значений и смыслов, обретающих форму знаков, символов, культурных кодов.⁵ Эти результаты семиозиса считываются, интерпретируются и становятся основой для последующего смыслообразования; культура и ландшафт выступают одновременно в качестве доноров и акцепторов друг для друга, семиозис – взаимообусловленный процесс. Исходя из этого, можно рассматривать культурный ландшафт как процесс и результат наделения человеком окружающего мира смысло-ценностными категориями.

В качестве «особого типа культурного ландшафта с гиперсемантической насыщенностью, каждый элемент которого и соотношение элементов несет в себе сообщение»⁶, предстает **город**, являющийся средоточием современной культуры, а по определению

¹ Лаврёнова О. А. Семантика культурного ландшафта. Автореферат. С. 3.

² Там же.

³ Там же. С. 30.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 10-11.

⁶ Там же. С. 31-32.

М.С. Кагана, – миром в миниатюре, «основным носителем цивилизации»¹. Наиболее интенсивным исследование города (в европейской научной традиции — “urban studies”) стало в середине XX в., когда исследования в этой области были связаны с такими именами как Бродель, Ле Гофф, в отечественной науке – с направлением культурологического изучения города И.М. Гревсом, Н.А. Анциферовым («биография города», «город как своеобразная коллективная личность»). Ю.М. Лотман предложил концепцию города как «сложного семиотического механизма, генератора культуры, <...> котла текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням»².

Город аккумулирует в себе множество сосуществующих смысловых конструктов, как пространственно, так и во временном срезе, он в принципе является полифоническим культурным ландшафтом. Генерация новых смыслов стимулируется «постоянными столкновениями и интенсивными взаимодействиями различных знаков и символов, репрезентующих и, одновременно, формирующих сам город»³.

Как и любой культурный ландшафт, город можно подразделить на три ключевых измерения места⁴:

- 1) Материальное – географический, природный, архитектурный уровень, физическое пространство города;
- 2) Социальное – статус города, характер основной деятельности жителей, повседневные городские практики, городские локальные микросообщества;
- 3) Смысловое или символическое - информационное пространство потоков, включая знания и представления о самом городе, город

¹ Киреева О.В. Город в культурологической мысли XX–XXI веков. С. 25.

² Лотман Ю.М. Семiosфера. С. 325.

³ Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 228.

⁴ Wesener A. The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 94.

как образ, чувство места, городская идентичность, значения и символы, которыми в сознании человека наделяется город.

Все измерения мест взаимосвязаны, это целостная система, элементы которой невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Место как некая физическая точка или объект в пространстве выступает и как поле социального взаимодействия, и как элемент и носитель динамического процесса смыслообразования, с которым связаны категории памяти и (само)идентификации. Смысловой уровень образует ментальную среду, в которой синтезированные частные представления (характеристики, оценки, мнения, знания, переживания относительно места населяющих его людей) становятся общим смысловым вариантом, при этом сохраняя априорную инвариантность, разнообразие в латентном состоянии. Место – город – носит характеристики переживающего его сознания, однако при этом является активным субъектом и актором социокультурного процесса, являясь средой формирования, сохранения и трансляции смысловых ресурсов и коммуникативной системой для своих жителей.

Осмысленное пространство, или же место, есть экзистенциальное измерение, оно связано с работой сознания. При этом рассмотрение пространства как социокультурного конструкта (относительного пространства), не равносильно отрицанию физического (абсолютного) пространства.¹ Познавая абсолютное пространство, мы наделяем его смыслами и функциями, формируя пространство относительное; семиотизация – это необходимый шаг для включения внешнего мира в культуру, разделение мира на «объекты, нечто означающие, символизирующие, указывающие, то есть имеющие смысл, и объектов, представляющих лишь самих себя»². Это же пространство затем формирует и нас самих – люди и общества при построении своей собственной личной

¹ Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий С. 19.

² Лотман Ю.М. Семиосфера. С. 259.

или социальной идентичности, или же самосознания, опираются на совокупность значений, связанных с каким-либо культурным ландшафтом.¹

Итак, с семиотической точки зрения пространство города, как динамичная система с множеством изменяющихся и обновляющихся культурных кодов, способно, во-первых, передавать имеющуюся информацию, во-вторых, создавать новую информацию, в-третьих, хранить и воспроизводить информацию, то есть выполнять функцию памяти.² Если культура в целом — «чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные способы, получает новую, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую»³, некий «коллективный интеллект и коллективная память»⁴, то о месте в таком случае можно говорить как о средстве, медиаторе, хранителе культуры; умение же считывать культурный код, воплощенный в месте, является основным критерием для построения территориальной идентичности и участия в памяти местного общества.

1.2 Функции места в семиотизации городского пространства

Будучи средой и участником семиотического процесса, место оказывается связанным с **культурной памятью**. В нашем исследовании культурная память выступает в качестве семантического поля, системы знаков. Такой подход восходит к семиотике культуры в понимании Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, в котором культура рассматривается как результат разновременных измерений семиотического процесса, «как

¹ *Wesener A.* The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 107.

² *Лотман Ю.М.* Семиосфера. С. 151.

³ Там же. С. 395.

⁴ *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. С. 200.

ненаследственная память человеческого общества»¹, совокупность всей ненаследственной информации, способов её организации и хранения. Культурная память обеспечивает передачу смысла в рамках определенной культуры.

Именно здесь пролегает грань между культурной памятью и знаковой средой в целом; эти явления содержательно близки друг другу – в обоих существуют знаки, проходящие процесс кодирования и дешифровки, но культурная память помимо этого сопряжена с определенной самосохраняющейся во времени группой, и знаки, и процессы означивания и считывания несут отпечаток интересов и воззрений данной группы. К основным характеристикам культурной памяти можно также отнести следующее: 1) конкретизация идентичности – группа-носительница культурной памяти конструирует культурную память, на основе которой затем выводит свою идентичность; 2) ретроспективность - память есть обращение к прошлому группы; 3) оформленность – память зафиксирована в определенных «хранилищах», знаках и символах; 4) организованность – существуют институты памяти и её носители; 5) обязательность – в памяти отражена чёткая система ценностей, принятие которой есть обязательное условие и строгий маркер принадлежности отдельных членов к группе.² Резюмируя, под культурной памятью группы можно понимать «символы, средства, социальные институты и практики обращения социальной группы к прошлому»³, которое формирует самосознание группы и сохраняет её знание о себе и о мире.

М. Хальбвакс указал на неразрывность индивидуальной памяти и памяти группы: обе они формируются в рамках социокультурной среды⁴, память группы осуществляется через взаимодействие и коммуникацию

¹ Stewart P., Strathern A. Landscape, Memory and History: Anthropological Perspectives (Anthropology, Culture and Society). P. 115.

² Там же. P.31.

³ Там же. P. 111.

⁴ Breyer T. On the topology of cultural memory: Different modalities of inscription and transmission. P.24.

внутри группы – так сообщаются коллективные знания, представления, опыт и ценностные ориентиры, выстраивается связь с прошлым и перспектива будущего развития, то есть задаются «схемы мышления»¹, с которыми координируются индивидуальная память и восприятие. Ретроспективность культурной памяти характерна также тем, что апеллирует не столько к фактической, сколько к воссозданной в воспоминании истории, это своего рода «миф – обосновывающая история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения», «чтобы уразуметь своё место в мире»². С этим связано то, что память – это не только процесс воспоминания, но и забвения³. Забвение может происходить путём вытеснения, манипулирования, цензуры, уничтожения, переписывания или подмены.⁴ Вопрос о том, что следует помнить, а что следует забыть – ключевой для образования и атрибуции сообщества.

Необходимо подчеркнуть, что культурная память хоть и едина, но отнюдь не монолитна; существуют разнообразные частные «диалекты памяти», соответствующие подгруппам, включённым в ту или иную культуру.⁵ Культура создает «транспоколенческое пространство знаний и систему координат, посредством которых носители этой культуры оформляют собственный опыт»⁶.

В качестве одной из таких подгрупп, подчиненных единой культурной памяти, можно выделить **память поколения**. Выделение поколенческой группы как носителя определенной общей памяти оправдано соединением в ней микро- и макросоциального уровней. С одной стороны, память поколения включена в межпоколенческую память в рамках семьи (малая

¹ *Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. P. 17.*

² *Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 55, 81.*

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ *Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. С. 200.*

⁶ *Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 14.*

группа), где все члены обычно являются представителями трёх разных поколений и вместе образуют горизонт совместного опыта (охватывает приблизительно 80-100 лет) посредством «обмена живыми воспоминаниями между очевидцами и потомками»¹, то есть перехода памяти качества «я помню это» (жизненный опыт, эпизодически-автобиографическая память) в качество «я знаю это» (опосредованное знание, смысловая память). С другой стороны, поколенческая принадлежность (большая группа), приобретаемая при рождении, составляет «экзистенциальный контекст»² человека и тесно связана с автобиографической памятью, которая безотчетно включает в себя «специфический для каждого поколения стандартный нарратив»³. Память поколения – это память очевидцев, лично переживших некое ключевое для формирования памяти событие своего времени (в качестве примера приведем феномен «детей войны»)⁴.

Многоуровневость памяти поколения проявляется в ещё одном срезе: согласно П. Рикёру, память поколения есть встреча индивидуального опыта и коллективной памяти, так как поколение объединено единой судьбой, но состоит из разных биографий, это специфическое ««событие» как «соучастное» бытие-друг-с-другом»⁵. Мультиперспективность такой памяти, объединенная единым мировосприятием, позволяет выделить генеративный аспект в развёртывании семиотического процесса, основанный на «единственности события индивидуальной биографии и биографии поколения»⁶. На основе выявленных уровней памяти поколения можно утверждать, что она конструируется, во-первых, через коммуникацию (повторяющаяся актуализация прошлого), во-вторых, через социальное взаимодействие (совместные действия, разделенные воспоминания).

¹ *Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung.* P. 18.

² *Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика.* С. 12.

³ Там же. С. 129.

⁴ *Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung.* P. 53.

⁵ *Артамошкина Л. Е. Генеративный принцип биографического текста культуры.* С. 63.

⁶ Там же. С. 69.

Каждое поколение имеет собственные ценности и потребности, которые задают определенные границы процессам воспоминания и забвения, в согласии с которыми вырабатывается отношение к прошлому – эта разность является основой межпоколенческих конфликтов и разломов («дети <...> в каждом поколении входят в <...> [культуру] как «юные варвары»»¹). Таким образом, «динамика памяти общества существенно определяется сменой поколений. Каждая такая смена, происходящая примерно с тридцатилетним периодом, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний»². Память поколения «возникает во времени и с его течением постоянно меняется, уступая место новой памяти новых поколений»³, которые усвоили уже существующую систему смыслов, выраженных в языке, духовном историческом наследии, объектах материальной культуры, но при этом также приняли «на себя «интерпретативные полномочия»», заявили о себе «собственными представлениями, эмоциями, идеями, ценностями и концепциями»⁴.

Приобщенность к культурной памяти и соподчиненной ей памяти поколения запускает процесс построения **идентичности**. Это понятие выработано на стыке философии, социологии и психологии, и понимается как способность и потребность человека в нахождении тождественного себе; идентичность встроена в систему отношений принадлежности и дистанцирования, разделения на свое и чужое.

Идентичность связана с рефлексией над представлением о себе. Коллективная, или мы-идентичность есть «то представление о себе, какое складывается у группы и с каким идентифицируют себя ее члены»⁵,

¹ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 146.

² *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 16.

³ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 52-53.

⁴ *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. С. 7.

⁵ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 139, 141-142.

основанное на общих правилах и ценностях, на «участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через <...> использование общей системы символов»¹ - языка, текстов, но и памятников, картин, ландшафтов и так далее. Обращение к сообществу прожитому прошлому в рамках культурной памяти выполняет центральную функцию построения идентичности.² Идентичность зависит от памяти, и наоборот. Из памяти актуализируется то, что соответствует представлению о самом себе и коррелирует с представлениями группы, что подчеркивает её единство и непрерывность, способность к самосохранению как длящейся во времени сущности, то есть определяется то, что подлежит запоминанию; сама идентичность поддерживается запоминанием.³

В качестве одного из аспектов целостной мы-идентичности можно выделить территориальную идентичность, отождествление себя как члена территориально ограниченного сообщества. По аналогии с современностью, или же сопричастностью к единому времени, территориальную идентичность можно назвать **сопространственностью** (М. Мюллер). «Любая спланирующаяся группа стремится создать и обеспечить за собой места, которые являются для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами её идентичности, а также опорными пунктами воспоминания»⁴. Сопространственность – это чувство принадлежности к месту, понимание значимости места, наличие образа места, то есть осознание места как «ментально-духовного пространства»⁵. Территория, город, ландшафт – место – выступает «хранителем образа»⁶, устойчивого смыслового представления об определенном месте, имеющего индивидуальный (например, «мой город» - образ, связанный с

¹ Там же. С. 149.

² *Erll A.* Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. S. 19.

³ *Wesener A.* The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 117.

⁴ *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 40.

⁵ *Головнёва Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура. С. 43.

⁶ *Артамошкина Л. Е.* Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти. С. 175.

субъективными переживаниями и воспоминаниями) и коллективный (например, «наш город» - образ, основанный на общих представлениях и оценках) уровни, находящиеся в процессе устойчивого обмена значениями.

Степень включенности в пространство может варьироваться от полного или частичного принятия идентичности до полного или частичного дистанцирования. Неприятие пространства и его значений может быть связано с наличием противоречивого образа места, нечитаемостью культурного кода, отсутствием образа – маркера «освоенности пространства», где освоить – значит понять, научиться пользоваться, наделить субъективными значениями, придать статус «своего». Динамика образа места состоит в изменении этих семиотических конструкций, «в изменении принципов определения и выделения конкретных знаков и их соотношений с символами и образами»¹, и эти изменения обеспечиваются естественной сменой поколений.

Так, территориальную идентичность можно рассматривать как пространственно-временную категорию. Через сознательную идентификацию ряда поколений с общим «хранителем образа»-местом обеспечивается преемственность, установление связи между прошлым, настоящим и будущим (образ пронзает синхронный срез культуры по вертикали), сохранение ценностных ориентиров и систем координат. В месте проявляются «разновременные тексты культуры, накладываясь один на другой, составляя неповторимые сочетания, многие из которых, попадая в новый культурно-исторический контекст, «прочитываются» заново, иногда и с диаметрально противоположной перестановкой акцентов и смыслов»². Прошлое постоянно реорганизуется и актуализируется с позиции изменяющегося настоящего (его ожиданий, надежд, целей, идей);

¹ *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 91.

² *Лавренова О. А.* Семантика культурного ландшафта. Автореферат. С. 31.

культурная память предстает не как склад информации, а «механизм её регенерирования»¹.

¹ *Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 618.*

2. ФЕНОМЕН РУИН

2.1 Материальные носители памяти

Ненаследственная память группы, конструируемая заново каждым новым поколением на основе прежних установок, нуждается в механизмах сохранения, донесения, реактивации смыслов и значений, которые обеспечивали бы функции преемственности, формирования и сохранения идентичности – иначе говоря, в **носителях** репрезентаций. Оформление в виде текстов и визуальных образов кодифицированных знаков, фиксация воспоминаний и опыта в материальных объектах является предпосылкой и основой культурной памяти.¹ Таким же образом расстановка знаков происходит и в естественном пространстве, которое может служить средством культурной памяти; места «не столько размечаются знаками («памятниками»), сколько сами поднимаются в ранг знака, то есть семиотизируются»². Содержание культурной памяти нуждается в определенном месте, в котором оно может быть сохранено, вписано, «внешней области, куда сообщения и информация – культурный смысл – могли бы выноситься на хранение»³ посредством кодировки, и откуда могли бы вызываться обратно. Таким местом может быть индивидуальный разум, тело, предметы, природные объекты, места памяти или ландшафты, письменные и устные рассказы.⁴ В качестве символических средств накопления и воспроизводства значений выступают «традиция» (обычай, ритуал), «предание» (нарратив) или «культурное наследие» (артефакт) – объединяющим фактором является наличие в них элемента-сигнала для воспоминания, отличаются способы инкорпорации смысла.

Культурное наследие «как средство восприятия культуры её носителем»⁵ охватывает материальное измерение. Из ряда других

¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 147.

² *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. С. 63.

³ Там же. С. 21-22.

⁴ *Breyer T.* On the topology of cultural memory: Different modalities of inscription and transmission. P. 23.

⁵ *Реш О.В., Антонова Е.Л.* Проблема сохранения культурной памяти и культурного наследия. С. 30.

функциональных объектов материальной культуры предметы культурного наследия выделяются как совокупность связей, отношений и результатов духовного производства осознаваемого прошлого, а также сопряженная с ними система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, имеющих эстетическое, историческое, научное или духовное значение для последующих поколений и способствующих самоопределению идентичности этих поколений.¹ Материальная составляющая культурного наследия (архитектурные сооружения, памятники, ландшафты, городские объекты) «закрепляет смыслы в пространстве, формируя новые ментальные «матрицы» носителей культуры следующих поколений»². Неизбежным камнем преткновения является плюрализм мнений разных групп (внутри единой культуры) по поводу того, что именно следует относить к культурному наследию, зачастую приводящий к противоречиям и стимулирующий переоценку содержания наследия. Культурное наследие – это связующее звено между смыслами места и времени; оно есть способ создания смысла и ценностей для настоящего времени, является «ресурсом настоящего времени»³, и содержание, интерпретация и репрезентация ресурса оформляются в соответствии с текущими требованиями, которые могут формулироваться по-разному.

Выполнение роли культурного наследия может осуществляться задолго до того, как этот статус будет официально получен (процесс официального присвоения статуса культурного наследия всегда отчасти ретроспективен), так как само формирование объекта именно как носителя происходит стихийно, через привычку людей выделять значимое (топофильные/топофобные места, доминанты), и постепенно, что приводит к формированию устойчивой структуры, сохраняющейся и воспроизводящейся во времени; или же, наоборот, объект изначально может

¹ Никонова А. А. Культурное наследие и формирование идентичности. С. 204.

² Лавренова О. А. Семантика культурного ландшафта / Автореферат. С. 19-20.

³ Wesener A. The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 186.

создаваться как носитель культурной памяти и иметь статус наследия, но такая сознательно конструируемая структура менее устойчива и нуждается в многократном воспроизведении.¹ Второй тип тесно связан с работой политических и интеллектуальных элит, в то время как первый тип создания места-носителя памяти связан с так называемым внутренним, «встроенным коллективным исследователем» – «сообществом людей, которое создаёт, осваивает, осмысливает культурный ландшафт и «овеществляет» информацию о нём»². Позиция внутреннего исследователя позволяет воспринимать глубинные свойства культурного ландшафта, скрытые при внешней позиции, и сохранять при этом рефлексивный взгляд, способность к адекватной интерпретации культурного кода. Именно к ней мы и обратимся в нашем исследовании в дальнейшем, взяв в качестве коллективного внутреннего исследователя разные поколения. Тем более что подобный подход позволяет проанализировать феномен гетеротопии (М. Фуко) – существования различных вариантов относительного пространства, возникающих в рамках одного абсолютного пространства.³

Город помнит через свои здания, и поэтому сохранение старых зданий сродни сохранению воспоминаний в человеческом сознании.⁴ «Значение домов не зависит от их художественного облика: они выражают концентрированный жизненный опыт, хранилище различных эмоций, ощущений и действий, свидетелями которых были»⁵. Культурным ландшафтам, в том числе и городскому пространству, «свойственна симультанность, или «временная панорамность», когда разновременные события и факты могут создать одновременную пространственную структуру»⁶. Городской контекст состоит из реальных зданий-символов, что

¹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 33.

² *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. С. 77.

³ *Окунев И. Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий. С.19.

⁴ *Wesener A.* The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. P. 126.

⁵ *Шёнле А.* Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 313.

⁶ *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 98.

позволяет разновременным постройкам входить в него на равных правах, а также вступать в диалог. Это способствует полифоничности городского пространства: «разновременность создает разнообразие, а устойчивость семиотических архетипов и набора культурных функций обеспечивает единство»¹. В отношении культурного ландшафта употребляется концепция палимпсеста, в которой ландшафт предстает полустёртым от времени пергаментным текстом, в котором ещё уловимы элементы прошлого: «одни элементы хорошо сохранились, другие оказываются утраченными, третьи – переосмысленными»². Они нуждаются в интерпретации и включении в текущий контекст.

Дискуссионным является вопрос, формирует ли разрушительная деятельность человека культурный ландшафт.³ Но если придерживаться принципа Каганского, что пустот и разрывов в ландшафте нет, каждое место имеет некоторый смысл и даже соседство мест не случайно, а осмыслено и обязывает к взаимодействию, то можно говорить о руинах и заброшенных или демонтируемых зданиях как об особых элементах культурного ландшафта. **Руины**, включённые в пространство города, можно рассматривать по отношению к другим местам как незаживающие раны, шрамы города, оставленные болезненными для культуры событиями (война, стихийное или техногенное бедствие), так как они входят в резкий диссонанс с функциональными и жилыми зданиями, общественными пространствами. «[Руина] возникает в результате расчленения или разрушения целостности ранее существовавшего объекта»⁴, её отличительные признаки – обветшание, разрушение, оставленность, заброшенность, но и подлинность – становятся визуальным воплощением временного, смыслового разрыва, манифестацией «того, что останется

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 682.

² Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. С. 102.

³ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. С. 102.

⁴ Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 17.

после всего». Руины материализуют оборвавшуюся историю, дистанцируясь и исключая себя из окружения, и «представляют собой скорее культурный конструкт, чем физический объект»¹, ведь это здание, которого одновременно больше нет, но при этом оно, несомненно, есть; руина одновременно метафизична и реальна.²

Руины относятся к периферии действительности, находясь на стыке между прошлым и настоящим, одновременно утверждая собой быстротечность жизни и играя роль зеркала вечности. Своей бесспорной физической реальностью в сочетании с исключительной смысловой нагрузкой они способны отсылать к «сосуществованию, множества темпоральностей»³ и к вневременности⁴. Это переходное пространство «между различными пространствами, временами и представлениями»⁵, зона непосредственного контакта близкого и далекого.

Особое положение руин в культурном ландшафте, их смысловая ёмкость способствуют вовлечению руин в культурные войны памяти; руины, материально воплощенное прошлое, играют роль существенного препятствия для переписывания истории и для идеологических установок, обращенных в будущее, в целом. У «умерших зданий» два пути – либо на их месте строится другое, и тогда прежнее содержание переходит в новую форму, либо прежняя функция не восстанавливается, и тогда сохраняется память.⁶ Восприятие таких руин, их роль в процессах культурной памяти также меняется. Пока заложенный в них культурный код «вспоминается», то есть может быть считан, руины остаются залогом и поддержкой памяти; как только память стирается, руины более не читаемы и окончательно остаются вне контекста и вне поля знания, становятся памятниками забвения; но на смену фазам благоговения и забвения приходит

¹ Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С.18.

² Ревзин Г. И. Почему от WTC не осталось руин? С. 48.

³ Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 50.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Замятин Д. Н. Феноменология географических образов.

⁶ Ревзин Г. И. Почему от WTC не осталось руин? С. 48-49.

любопытство, и пространство как бы открывается заново, получает «вторую жизнь» вне прежнего контекста.¹

Однако, «руины – не синоним разложения, поскольку они создают «новую форму» и «новый смысл»². Будучи одновременно знаком утерянного целого, сохранившимся остатком прошлого, руины «высвобождают энергию, необходимую современникам для восстановления оснований своей жизни»³, так как заключают в себе код культуры, специально ориентированный на реконструкцию прошлого. В них содержится колоссальная экзистенциальная плотность, яркое свидетельство прошедшей жизни, концентрированная память, которая может быть динамическим началом для происходящих внутри культуры процессов.

2.2 Хронотопичность руин и её роль в формировании и сохранении идентичности

Рассуждая об особенностях руин как особого типа относительного и абсолютного пространства, можно отнести руины к концепту **хронотопа**. Наиболее известным учёным, использовавшим данное понятие, был М.М. Бахтин, который применял его для изучения пространства и времени художественного произведения. Хронотоп, который дословно можно перевести как «времяпространство» – это «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений»⁴. Каждое событие, факт или объект обладают собственными пространственными и временными координатами, неразрывно связанными друг с другом: «приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем»⁵, то есть время становится зримым, а пространство приобретает динамику.

¹ *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. С. 315, 317.

² *Зиммель Г.* Руина. С. 228-229.

³ *Шёнле А.* Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 113.

⁴ *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. С. 234-407.

⁵ *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. С. 235.

Несмотря на первичное употребление в сфере анализа художественной литературы, принципы хронотопичности выявляемы в руинах – это пространство-рана вынесено за рамки функциональной и общественной жизни города и укоренено больше в смысловом пласте, будучи чрезвычайно насыщенным знаками, а также напрямую зависит от оси времени (и как физический объект – разрушение, реставрация, изменение внешнего облика, и как знак – переформулировка, новая актуализация смыслов). Более того, изначальный концепт хронотопа, принадлежащий А.А. Ухтомскому – хронотоп как «закономерная связь пространственно-временных координат»¹ – утверждает «времяпространственность» самой реальности. Континуум, образованный единством пространства и времени, образует основу для конструирования моделей основных условий существования изучаемых явлений и предоставляет возможность исходить не из внешнего наблюдения, а на основании выстроенной модели. В частном случае рассмотрения семиотизации городского пространства концепт хронотопа позволяет не теряться в частностях, а, определив пространство (культурный ландшафт-город-руина) и время (память поколений, находящихся в непосредственном контакте друг с другом) как основные и взаимосвязанные доминанты, проанализировать «неизвестную переменную», в случае данного исследования – изменение смыслового содержания культурной памяти – в корреляции с заявленными основными координатами, пространством (выявляется наличие или отсутствие процесса означивания и считывания знаков по отношению к руинам) и временем (выявляется зависимость или отсутствие зависимости семиотизации и генеративного аспекта, а также характер происходящих изменений, если связь выявлена).

Сопоставимым с руинами является «хронотоп замка», который выделял М.М. Бахтин, так как «замок» насыщен временем, причем именно

¹ Ухтомский А. А. Доминанта. С. 347.

временем прошлого, не только в смысловом, но и в материальном плане несёт на себе его следы, «замок» - это место пробуждения воспоминаний, формирования легенд. Схожие функции по аккумуляции и реактивации памяти выполняют и руины.

Городское пространство и его элементы как **репрезентация памяти** могут стать местом встречи не только с собственным прошлым (личное переживание места в прошлом), но и с более отдаленным прошлым, не подкрепленным нашими воспоминаниями, с безвозвратно ушедшим прошлым, единственным свидетелем которого являются непосредственно следы прошлого, а также с прошлым, которого никогда не было в реальном историческом времени, но которое существует в пространстве смысла культурной памяти. Именно несобственное, отдаленное или даже утраченное или «выдуманное» прошлое предполагают особый опыт переживания. Руины как знаки ушедшего, того, что когда-то существовало, представляю собой прекрасный носитель для памяти подобного рода. Препрежее существование заявляет о себе в руине, но принципиальная нецелостность руин обладает потенциалом вариативности, свободой для интерпретации: «сохранившаяся часть взывает к своему целому, и это целое каждый раз по-новому воссоздается, потому что нет свидетельства о том, какое это было целое»¹. Здесь обнаруживается основополагающее различие между реконструированными зданиями и зданиями, в той или иной мере оставшимися разрушенными.

Архитектурные объекты, город, место всегда есть память «о чём-то», её изначальным смыслом не является память себя: «место подобно восковой доске, на которую все время наносятся новые записи – само по себе оно пусто»². И при разрушении здания привносятся новые значения, сохраняющие динамику семиотического процесса (способность сохранять,

¹ Пахолова И. В. Феномен возможного прошлого в пространстве города. С. 22.

² Ревзин Г. И. Почему от WTC не осталось руин? С. 47.

транслировать, обновлять заложенный смысл). Однако реконструкция не является ни возведением здания, ни его разрушением; или наоборот, является одновременно и тем, и тем, так как фактически является повторным созданием объекта, но при этом уничтожает динамику генерации значений, вариативность: «реконструкция – это выбор в пользу одного варианта, считающегося единственно верным»¹. Тотальная реконструкция, создание точной копии прежнего здания – это всегда муляж², который вмещает в себя только память здания о себе самом, и для культурной памяти он почти бессодержателен. Реконструкция правдива и достоверна, но не подлинна. Таким образом, восстановление становится уничтожением, разрывом с традицией, а не её возрождением и восстановлением – это акт поверхностного обращения к прошлому, утверждающий лишь одну интерпретацию.

Исходя из вышесказанного, можно согласиться с мнением Г. Ревзина, который указал на значимость руин как способа сохранения памяти в качестве мемориалов катастроф и как сакральных объектов, которые не существуют более в материальном виде, но продолжают присутствовать в мире метафизически.³

Но отсутствие восстановления влечёт за собой забвение, прежде всего ввиду разрушения физического объекта-носителя и смещения рамок культурной памяти. Однако забвение (то, что исключается из памяти), как и воспоминание (то, что сохраняется в памяти), имеет свою перспективу, причем определяется не только отдельным человеком в его личных воспоминаниях, но и группой, задающей контекстные рамки памяти и определяющей, что актуально для настоящего и что должно быть сохранено для будущего.⁴ Поэтому помимо естественного забвения, когда

¹ Пахолова И. В. Феномен возможного прошлого в пространстве города. С. 23.

² Ревзин Г. И. Почему от WTC не осталось руин? С. 48.

³ Там же.

⁴ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 14.

определенный пласт памяти более неактуален, уходит из общих рамок в связи с исчезновением очевидцев и угасания способности к конструированию смыслов, существует также вынужденное забвение, касающееся «болезненных» событий (в терминологии А. Ассман – травмы¹, переживание «жизненно опасного, глубоко ранящего душу крайнего насилия, которое нарушает обычный защитный барьер восприятия и не может быть психологически освоено, преодолено в силу угрозы для целостности личной идентичности»²), которые вызывают неприятие, боль, возмущение. Замалчиваемая или подавляемая память, как и сознательно не считающиеся знаки (даже когда они физически присутствуют в настоящем, например, в виде руин), мешают включению болезненного события в поле рефлексии, и пережитая боль не преодолевается. Отторжение определенных воспоминаний имеет краткосрочный терапевтический эффект для сообщества, так как улучшает условия адаптации к новой ситуации после болезненного события и упрощает реинтеграцию.

Тем не менее, именно боль, как постоянный активатор, не дает таким воспоминаниям совершенно исчезнуть из памяти и быть исключенными из восприятия реальности; зачастую за первым поколением, скрывающим пережитое, следующие начинают попытки раскрытия утаенного прошлого, стремятся восполнить пробелы в опыте сообщества, открыть для себя свое прошлое: «то, что казалось невысказанным для первого поколения, а затем игнорировалось вторым поколением, может послужить представителям третьего поколения темой для взаимных рассказов и предметом для взаимопонимания»³. «Горячее» событие охлаждается за счет ухода очевидцев, носителей живой памяти, имеющих непосредственную связь с

¹ Там же. С. 23-24.

² Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. С. 57.

³ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. С. 121.

прошлым, однако остаются материальные следы, которые могут быть заново истолкованы.

Поколенческий аспект очень важен в преодолении подобных «травм», «ран» памяти, ведь их проработка возможна только с обновлением памяти, или же изменением контекстуальных рамок памяти сообщества, когда исключенные воспоминания могут быть реактивированы. Мотивацией к такому обращению служит следующее: 1) прерывистость памяти влечёт за собой разрыв в межпоколенческой коммуникации, создает поколенческие линии разлома, диссонанс в обществе; 2) «потеря памяти», ведет к распаду целостности опыта прошлого, что нарушает механизм формирования идентичности.¹ Преодоление как освоение «болезненной памяти» должно происходить не как ложная самоидентификация с событиями прошлого, а как принятие истории вместе с её негативными, болезненными сторонами, принятие ответственности за них («помнить, чтобы преодолеть»²).³

В ситуации принудительного забвения из городского пространства устраниаются, насильственно исторгаются объекты культурной памяти, идущие вразрез с нынешней системой ценностей (переименование улиц, демонтаж памятников и т.д.)⁴, что не способствует преодолению ни самого болезненного опыта, ни межпоколенческого разрыва, который он создаёт, так как остается всё меньше свидетельств прошлого для следующих поколений. *Tabula rasa* как способ обработки кризисного события для его очевидцев оборачивается страхом и потерянностью от отсутствия надежной памяти-основы у следующих поколений; теряются линии преемственности через время и пространство, свидетельства сосуществования прошлого и настоящего, необходимые для построения коллективной идентичности.

¹ Никонова А. А. Культурное наследие и формирование идентичности. С. 208.

² Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой.. С. 117.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 58.

Российская тенденция обращения с руинами как с местами «болезненной памяти» зачастую выглядит как попытка начать всё заново: прошлое преодолевается через снос руин или полное восстановление прежнего облика зданий и уничтожение визуальных следов разрушений, что не приводит к выработке традиций мемориализации.¹ Уцелевшие единичные памятники обнажают «провал между сегодняшним состоянием города и не подверженной разрушению памятью о том, каков он был прежде»², показывают прерывистый характер культурной памяти. Включенность руин в городское пространство могло бы создать площадку для встречи разных времен и разных поколений, способствовать формированию новых смысловых конструктов. Даже в случае далекого или отчужденного прошлого такая интеграция возможна; необходимо трансформировать «чужие» значения, заключенные в объекте, на основе собственного семиотического поля, или же освоить – сделать своим.³ Таким образом, «обживать руины – значит примириться с разнородностью настоящего, признавать богатство его текстуры»⁴, сохранять преемственность и потенциал культурной памяти.

¹ Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 340.

² Там же. С. 213.

³ Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. С. 122.

⁴ Шёнле А. Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. С. 356.

3. КАЛИНИНГРАД И РУИНЫ КЁНИГСБЕРГА: «ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ»

3.1 Первые переселенцы

Фундаментом для формирования культурного ландшафта города Калининграда стали руины города Кёнигсберга. Старый город сильно пострадал от «ковровой» бомбардировки англо-американской авиации в конце августа 1944 года (около 90% зданий было уничтожено или тяжело повреждено) и штурма советскими войсками в апреле 1945 года в ходе Великой Отечественной войны, а также обрёл вид руин в послевоенное запустение (отсутствие реставрации, разбор зданий на материалы, «расчистка» территории). Таким образом, из 4896 зданий довоенного города к 1948 г. в Калининграде насчитывалось лишь 161, что составляло 3%. Тем не менее, в процессе отрицания, забвения или, наоборот, в процессе исследования и воспоминания, именно немногочисленные следы прошлого Кёнигсберга, его руины стали тем носителем, с которым взаимодействовала культурная память населения.

Восприятие ландшафта Кёнигсберга (будущего Калининграда) и сопряженные с ним смыслы были заданы ещё во время войны и во многом предопределили первичные отношения людей к этой земле, впоследствии отошедшей СССР. Работа пропаганды против Восточной Пруссии и её главного города была особенно ожесточенной, так как это была первая из немецких земель на пути Красной Армии, здесь особенно силён был мотив возмездия, и была высока концентрация ненависти. Кёнигсберг в сознании советских людей был «логовом фашистского зверя», «сердцем прусского милитаризма», «мрачным городом-крепостью», «мощным военным плацдармом» для натиска на Восток¹, основной акцент делался пропагандой на его значении для военной мощи Германии, и из всей его вековой истории были оставлены лишь военные эпизоды, подчеркивающие суть города как

¹ Костяшов Ю. В., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. С. 15.

очага постоянной агрессии. Восприятие его архитектуры несло отпечаток негативных, болезненных эмоций, связанных с войной – дома описывались как недружелюбные, кривые, опасные, построенные для нападения и обороны, «не дома, а доты». «Лежащие в руинах города обвинялись в преступлениях немцев так, как будто они сами были действующими лицами»¹ - Кёнигсберг воспринимался как «злой город», его руины – как поверженный враг.

Связь с войной, ненависть к захватчикам, неприятие «вражеского», «чужого» запускало процесс отрицания и отторжения при контакте с культурным ландшафтом Кёнигсберга, в результате чего невозможным стало его восстановление (без проникновения в заложенный культурный код невозможно ни восстановление прежнего смысла, ни генерация нового); по отношению к руинам Кёнигсберга был принят подход *tabula rasa*, он стал местом без истории и без содержания, и существование города должно было начаться с «чистого листа». Этому способствовало стирание и переписывание истории, в том числе на материальном уровне, заключающееся в полном отрицании немецкого наследия города, зачастую – в его уничтожении.

7 апреля 1946 года в составе РСФСР была образована Кёнигсбергская область, 4 июля 1946 года переименованная в Калининградскую. Официально массовое заселение Калининградской области началось после подписания И.В. Сталиным постановления Совета министров СССР № 1522 от 9 июля 1946 г, однако советские люди стали прибывать в Кёнигсберг по 3-4 тыс. человек ежемесячно сразу же после успешно завершившейся весной 1945 г. Восточно-Прусской операции. Один из главных источников пополнения населения области составили участники боев на территории Восточной Пруссии.² Приток гражданского населения в область и в сам Калининград обеспечивала, прежде всего, российская глубинка, небольшие

¹ *Hoppe B.* Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946-1970. S. 43-44.

² *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны Заселение Калининградской области. С. 82-83.

городки и деревни среднерусской полосы (Рязанщина, Подмосковье, Ярославль, Тамбовщина и др.); чуть ли не половина первых переселенцев приехала из районов, бывших под оккупацией.¹ Соответственно, помимо очевидных негативных моментов в восприятии города, связанных с переживанием войны, Кёнигсберг-Калининград и его руины были чужими и чуждыми на уровне предметного мира (непривычное строение зданий, планировка улиц, названия), что только стимулировало его неприятие, желание изменить по своему разумению, радикально переделать. Препятствовало обживанию и включению в собственное смысловое поле руин города и то, что в первые десятилетия в области и городе не было постоянного населения, процент вновь уехавших переселенцев составлял почти 2/3 от числа приехавших; это порождало чувство временности пребывания на этой земле, питаемое также страхом новой войны или возвращения Кёнигсберга немцам.² Трудно было назвать «своей» землю, где до лета 1946 года сохранялась старая немецкая топонимика, и большинство населения составляли прежние хозяева, немцы (депортация немецкого населения проходила в период с 1947 по 1951 год).

Уцелевшие архитектурные объекты прочно ассоциировались с бывшими жителями города, что только подкреплялось отношением в целом ко всему немецкому как к «чужому». Руины Кёнигсберга не встраивались в систему ценностей своих новых наблюдателей, а потому уничтожались по идейным, экономическим или политическим причинам. Сохранившиеся в ходе ожесточенных боев памятники культуры считались враждебными и непригодными к использованию. Зачастую отвергалась не только смысловая, но и функциональная сторона сооружения; уничтожить и стереть было приоритетнее, чем переосмыслить. Понятие «исторический памятник» относилось лишь к захоронениям павших советских воинов,

¹ Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. С. 6.

² Костяшов Ю. В. Советизация Восточной Пруссии после войны. С. 168.

никакие объекты или сооружения довоенного времени (замки, храмы, скульптуры и т.п.) не относились к культурному наследию, почти не упоминались в документации и не охранялись государством. Исключения были редкими и носили частный характер; в качестве примера можно привести сохранение и благоустройство усыпальницы И. Канта рядом с Кафедральным Собором благодаря письму гражданина В.В. Любимова в газету «Известия» в 1947 году, в котором тот при помощи цитат Ф. Энгельса доказал значимость фигуры философа для марксистского учения.¹ Однако в широкой перспективе немецкие сооружения, здания и памятники, вне зависимости от их смыслового содержания и объективной культурной ценности, числились обыкновенными «руинами» и «завалами», которые следовало расчищать.

Именно на этих «развалинах черного прошлого» переселенцам следовало «строить новую жизнь своим собственным трудом на новых социалистических началах»². Руины города, как следы ненужного, враждебного прошлого, должны были быть сознательно снесены, а немногие подлежащие восстановлению (по причине приемлемой сохранности) дома – совершенно поменять свой облик. «Остатки немецкой застройки Кёнигсберга – особенно нежилые здания, построенные в стиле кирпичной готики – советская пропаганда проклинала как материальное воплощение вражеского режима. Изначально планировалось превратить Калининград в уменьшенную копию советской столицы и украсить его псевдоисторическими зданиями в стиле русского средневековья, которые будут частично напоминать башни московского кремля»³, однако создать виртуальное прошлое, которое интегрировало бы переселенцев в Калининграде как в городе с допетровскими корнями, не удалось из-за нехватки средств. Градостроительная адаптация исторически

¹ Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде. С. 80.

² Костяшов Ю. В., Маттеес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. С. 15.

³ Jähniß B. 750 Jahre Königsberg: Beiträge zur Geschichte einer Residenzstadt auf Zeit. S. 598.

сформированной среды города под новые цели и функции проходила в основном в виде приспособления существующих строений под жилые и хозяйственные нужды.

Особенность этой адаптации заключается в том, что все работы по реконструкции велись на исторической основе города, изменения касались исключительно характера фасадов восстанавливаемых зданий. Этот «новый архитектурно-стилистический «макияж», применявшийся к реконструкции старых зданий, по замыслу должен был максимально скрыть черты «чужой», «немецкой» архитектуры и создать советскую монументальную парадность, свойственную духу 1950-х годов»¹; память культурного ландшафта в период тотального отрицания его смыслов была буквально убрана с глаз, скрыта, «замурована». Также началась установка новых знаков-символов и воинских мемориалов погибшим в Великой Отечественной войне. Именно они переняли на себя функцию ключевых пространственно-смысловых акцентов при отторжении населения от остального физического пространства города, выполняя роль носителей-якорей, которые группа могла бы использовать для функций самоопределения и сохранения памяти.

Такие места были необходимы для города, который переселенцы понимали и проживали как нечто необычное, чужое, «не наше»; Кёнигсберг представлял собой обгоревший, разрушенный до основания вражеский город, а «победой рожденного» города Калининграда ещё в принципе не существовало. Слова очевидцев говорят сами за себя: «Когда мы стали въезжать в бывшую Восточную Пруссию ... начался сплошной ад. Все было разрушено, все дома побиты, на железнодорожных путях вагоны покорезены, кругом противотанковые ежи, железобетонные укрепления - доты, дзоты, брошенные орудия»², «Первое ощущение удручающе жуткое.

¹ Васютин О. И., Попадин А. Н. Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945—1990). С. 104.

² Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. С. 33.

Это был август сорок восьмого, а люди навстречу не попадались. Завалы, остовы зданий. В центре города все разворочено»¹, «Впечатление такое, что это — мертвый город: скелеты домов, груды кирпичей и следы пожаров»².

Все здесь было чужим, и «первые годы переселенцы были своего рода разведчиками, исследуя то, что есть на территории»³. Но именно эта необходимость, а затем и желание (естественное чувство любопытства) соприкоснуться с неизвестным, чужим дала возможность неоднозначного восприятия города, поиск других «кодов» к его прочтению, кроме тех, которые были даны пропагандой. Несомненно, это был разрушенный, изуродованный войной «злой город»-враг. С другой стороны, многие переселенцы смогли различить красоту города, проступающую в руинах — высокие красные черепичные крыши, сады, витые решётки, красивые фасады: «Когда подъезжали к городу на поезде, поразили дома с черепичной крышей. Было очень необычно. Сразу ощущалось, что здесь жили совсем другие люди. Крыши домов островерхие и красиво выглядели»⁴, «Даже по остаткам зданий видно было, как красив был город до войны. Улицы вымощены булыжником, зеленые от деревьев. И несмотря на развалины, меня охватило чувство какого-то благоговения. Жалко было, что такой красивый город был разрушен»⁵, «Поразила особая мощь построек, твердость и неприступность. И в то же время легкость через стремление ввысь. Мне трудно было понять это. Здесь надо было родиться, вырасти. Другая психология, иное понимание вечности. В первую очередь это ощущалось при взгляде на места священные — на кирхи, костелы. Наши церкви, храмы добрей как-то, гостеприимнее. Строгость и угловатость здешних соборов не соответствует нашему русскому характеру. Я могла

¹ Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. С. 37.

² Там же. С. 78.

³ Сологубов А. М. Переселенец как Homo scientis: эпистемологический аспект освоения Калининградской области. С. 39.

⁴ Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. С. 31.

⁵ Там же. С. 38.

любоваться ими как произведениями архитектуры, но никак не воспринимала в качестве места, где тебя поймут и поддержат. Внешний их облик как бы предупреждал об обратном. Веет от них каким-то холодом и отчужденностью. В дождливую погоду город производил унылое впечатление. Давил узостью улиц, суровостью построек. В такие дни было ощущение временности пребывания и особенно чувствовалось, что мы — чужие здесь»¹. Калининград стал «бессмысленным» городом без истории, где парадоксальным образом обозначалось избыточное материальное присутствие истории и памяти, которое вызывало любопытство и интерес новых жителей. Но прежде, чем плодотворное взаимодействие с руинами города как с носителем памяти станет возможным, им надолго предстояло погрузиться в глубокое молчание.

3.2 Первооткрыватели *terra incognita*

Будучи «победой рожденным» городом, Калининград должен был стать также образцовым советским городом, превратиться в «памятник Победе»². Успешному выполнению проекта должны были поспособствовать такие факторы, как замкнутый характер региона, энтузиазм и молодой возраст переселенцев, изначальное отсутствие православных святынь, наглядная и активная борьба с немецким наследием как с прежним «неправильным проектом». Старый Кёнигсберг в этой модели был мёртвым городом, прошлым, которого нет и которое больше не нужно. Калининград перенял роль крепости, но теперь уже не форпоста Германии на Востоке, а СССР - на Западе. В это время интенсифицируется восприятие Калининградской области как «самой молодой в СССР области/новой земли»³; прежнее смысловое поле «фашистского логова»

¹ Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Стр.118-119.

² Норре В. Auf den Trummern von Königsberg; Kaliningrad 1946-1970. S. 68-69.

³ Маслов В. Н. Образ Калининградской области на страницах газеты «Калининградская правда» советского времени. С. 28.

становится излишним и неуместным, так как (хоть и через отрицание) указывает на немецкое прошлое города и края. Принадлежность города и края начала замалчиваться: в прессе стали избегать фраз вроде «на отвоеванной у немцев земле», фабрики и другие учреждения не «восстанавливались», а «строились» и «создавались».¹

Стремление раз и навсегда закрыть «немецкую тему» и тотальный запрет на прошлое (принудительная «коллективная амнезия»), обоснованные желанием построить образцовый социалистический город, обрекали сохранившиеся в городе руины на полное уничтожение. В действительности на протяжении первых послевоенных лет архитектура немецкого города проходила процесс приспособления под представления нового населения; с началом проекта формирования «нового социалистического города» приходит принцип одномоментной тотальной пространственной застройки территорий. Серая стандартная застройка, доминировавшая вплоть до 1970-х годов в градостроительстве, стала контекстом драматического периода², когда под угрозой оказались довоенные памятники вроде здания Кёнигсбергской биржи, Кафедрального Собора и кирхи королевы Луизы, как «не имеющие художественной ценности или не подлежащие восстановлению»³. Однако у руин «мёртвого» города нашлись защитники, которые провели мощную контркампанию за их сохранение; во многом это связано с тем, что на фоне типовой серой застройки интерес к сохранившимся фрагментам довоенного города и мифологическому городу-призраку Кёнигсбергу, о котором почти ничего не было известно, только усиливался. Вне своего культурного поля и воспоминаний руины были нечитаемы, и все же материально они присутствовали. Адаптация переселенцев не могла разрешиться без

¹ Костяшов Ю. В., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. С. 36-37.

² Васютин О. И., Попадин А. Н. Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945—1990). С. 110.

³ Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде. С. 84.

проработки этих молчаливых смысловых носителей, в непосредственном соприкосновении с которыми они находились; парадоксально, но среди умышленного, строгого умалчивания камни и руины кричали о своих смыслах и истории громче каких-либо слов.

Интерес к памяти города был естественен не только с точки зрения «сопричастности», но и «современности» - первые поколения, родившиеся и выросшие уже в Калининграде, воспринимали руины не как наследие немцев, а как своё собственное. Особенно наглядно возникший спор об отношении к «немецкому» аспекту культурного ландшафта Калининграда просматривается в судьбе руин Королевского замка (1960-ые¹), которые находились в самом центре города. Часть населения видела в замке цитадель милитаризма, другая – символ победы; бесспорным является то, что калининградцы стали воспринимать замок как часть своей повседневной жизни.² Д. Навалихин, главный архитектор Калининграда на момент спора, предполагал сохранение остатков Королевского замка при застройке центра – либо в качестве части структуры нового Дома Советов (антитеза ему, знак ушедшего прошлого перед настоящим), либо в качестве музея Отечественной войны и штурма Кёнигсберга (символ Победы). В своей диссертации от 1956-го года Д. Навалихин пишет о необходимости дальнейшего сохранения отдельных немецких культурных памятников бывшего Кёнигсберга, представляющих историческую и художественную ценность и подчеркивающих специфику и богатое прошлое города; «использование разительного контраста между сооружениями, созданными советскими людьми и наследием бывшего Кёнигсберга не только не нарушит в данном случае целостной застройки, но и, несомненно, усилит и обогатит идейно-художественный образ как центра, так и будущего города Калининграда». За сохранение руин замка и бережное к ним отношение

¹ Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. S. 147-148.

² Дементьев И. О. Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде. С. 245.

выступали и обычные горожане: «Королевский замок разрушается с целью утилизации кирпича, хотя последнего и без того хватает в достаточном количестве. Жаль, что такой исторический памятник не сохранится для потомства. Ведь многие приезжающие в Калининград захотят увидеть его, а уберечь его от полного разрушения еще есть время. Таково не только мое мнение, но и мнение многих калининградцев, желающих сохранить историю»¹. Несмотря на протесты, в 1967 году развалины замка были взорваны.²

Но этот болезненный спор стал первым очевидным маркером изменения отношения к наследию кёнигсбергских руин. В обострившейся ситуации стало понятно, что после депортации немецкого населения культурный код территории может быть передан только через материальные следы Кёнигсберга – его руины, и их уничтожение равносильно уничтожению памяти, заложенных в них смыслов. Стирание памяти, тем временем, продвигалось довольно успешно – сохранялись здания, которые были функционально применимы, тогда как культовые сооружения разрушались (до 1985 года были снесены 18 поврежденных церквей) или приспособивались под склады, кинотеатры, клубы и так далее; за счет понижения статуса здания удавалось избежать попыток расшифровки заключенных в нём знаков. К концу советской эпохи Калининград большей частью представлял собой типичный провинциальный город социалистического типа, но с «совершенно необычными для советских городов <...> фрагментами немецкого города»³. Однако код к дешифровке даже тех фрагментов, что удалось защитить от сноса, отсутствовал – город был обезличен и нечитаем по причине создания ситуации тотального незнания.

¹ Костяшов Ю. В., Маттес Э. Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. С. 48.

² Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде. Стр.84.

³ Гальцов В. И., Бабенко Н. Г., Шкуркина Ю. А. Калининград. Российский город с немецкой историей. С. 110.

Положение Калининграда ранее как вражеского, а теперь пограничного и закрытого города наложило определенные ограничения на знания о нём и на способы получения этого знания; «государство монополизировало «чужое» культурное пространство»¹. Из-за этого для периода «калининградской амнезии» характерно так называемое «изобретение прошлого» или же фиксация переживаний наблюдаемых следов прошлого, осуществляемая самим населением, в частности появление мифа об отвоевании Калининграда как «древней славянской земли» и местного фольклора, основанного на обрывочной информации и собственных догадках (миф о Янтарной комнате, миф о подземном городе, фигура «старины Канта» и так далее). Освоившись в послевоенные годы на чужой земле физически, жители города с 1950-1960-х годов начали её знаковое освоение.

Восстановление памяти культурного ландшафта Калининграда сталкивалось с проблемой наполнения руин новым смыслом. Даже при знании минимально достаточного культурного кода руины, например, в случае фортификационных сооружений или церковных зданий, генерация новых значений была затруднена, так как эти сооружения более не могли выполнять своих прежних функций в новых условиях. Попытки перекодировки остатков старого города без принижения или стирания их статуса носителя культурной памяти предпринимались достаточно активно – так, председатель горисполкома Калининграда В. Денисов, посредством методов реконструкции, приспособления и реставрации превратил кирху Святого Семейства в Органный зал филармонии, а кирху королевы Луизы – в Театр кукол.² Бастион-башня Дона была включена в линию Калининграда как города Победы, так как именно здесь был после капитуляции

¹ Сологубов А. М. Переселенец как Homo scientis: эпистемологический аспект освоения Калининградской области. С. 44.

² Васютин О. И., Попадин А. Н. Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945—1990). С. 121.

Кёнигсберга впервые поднят советский флаг, также в ней разместился филиал историко-художественного музея «Музей янтаря».¹

Перестройка 1980-х годов принесла с собой снятие табу с немецкой истории края и города. Тема культурного наследия Калининграда была предана огласке и интерес к руинам Кёнигсберга можно было проявлять открыто, журналы, газеты и книги стали активно предоставлять населению материал, посвященный памятникам архитектуры и истории, были рассекречены многие архивы, в художественных произведениях начинает складываться поэтический образ «города-призрака», живущего в руинах и остатках крепостных сооружений, а также в воспоминаниях о разрушенном Королевском замке. Но преодоление молчания ставило перед населением Калининграда новые задачи. Многие калининградцы питали неподдельный интерес к истории своего края, были коллекционерами открыток, фотографий с видами довоенного города, предметов быта; но теперь интересу предстояло перерасти в нечто большее, а именно – во включении наследия Кёнигсберга в калининградское поле², в преодоление не только молчания предыдущего поколения, но и разрыва в пространственно-временном бытии самого города.

3.3 «Русские европейцы» или «европейские русские»?

С крахом СССР изменения во внутренней обстановке в Калининградской области были подкреплены радикальными переменами положения края на геополитической арене; с 1991-го года Калининградская область становится российским эксклавом, а с 2003-го года – европейским «островом»-анклавом в окружении стран-членов ЕС и НАТО. Подвергаясь стремительным изменениям, Калининград начал позиционировать себя как место пересечения разных культур. Однако до сих пор до конца не ясен вектор этой транскультурности, – является ли Калининград центром

¹ Brodersen P. Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. S. 162.

² Podel M. Architektura Kaliningrada. Wie aus Koenigsberg Kaliningrad wurde. S. 360.

пересечения или двойной периферией, местом единения или конфликта. Пространство-граница – это переплетение, взаимопроникновение двух качественно разных сред со своими знаками и символами. Но также это неустойчивый, текучий тип пространства, которое вмещает одновременно несколько сосуществующих культурных, временных, социальных пластов. Калининград воспринимается как остров, крепость, перевалочный пункт, котел, сплав – это «город приезжих», где состав населения постоянно обновляется и изменяется (лишь около 40% населения являются «коренными» калининградцами, то есть потомками первых переселенцев); также на «пограничность» Калининграда указывает то, что местные жители называют себя «русскими европейцами» или «европейскими русскими».¹

Насущной необходимостью для жителей Калининграда становится самопозиционирование – определение своего места в современном мире и на временной оси. Точно так же, как сам Калининград оказался оторванным от России, так и руины, определявшие становление города как единицы семиозиса, были вырваны из своего контекста и утратили присвоенную им смысловую атрибуцию. После того, как были пройдены этапы отчуждения и (у)молчания – через создание определенной дистанции - выстраивается и обретается способность к преодолению отчуждения от чужого прошлого, напряжения между присваивающим настоящим и присваиваемым прошлым, нейтрализации отрицательных значений. Одновременно с особой остротой встают вопросы о том, как совместить опыт народов, населявших бывшую Восточную Пруссию, с опытом жителей современной Калининградской области, восстановить преемственность и основу для будущего развития.

Следует отметить, что на данном этапе происходит, в свою очередь, некоторое дистанцирование от социалистического наследия области. Жители региона реагируют отрицательно, когда иностранцы называют

¹ *Dementiev I. Bridges to nowhere? Identity of the residents of the Kaliningrad region in the 21st century. P. 62.*

Калининград «социалистическим заповедником», мрачным «советским городом». На данном этапе идентификация происходит уже скорее относительно архитектуры старого Кёнигсберга, и возникает отторжение по отношению к невзрачным типовым зданиям «хрущевской» застройки. Особую роль в сознании жителей города играет возникшая в постсоветское время (но имеющая предпосылки с самого начала заселения) мечта о слиянии двух до этого противопоставленных, даже враждебных друг другу городов – Калининграда и Кёнигсберга. Новое поколение, проходя процесс самоидентификации, обращается к следам прошлого, которые снова начинают цениться и наполняться смыслами. До того обрывочная, неизвестная история края интересует калининградцев, формируя у них чувство причастности к прошлому и прививая уважительное отношение к культурному наследию города, желание «прочитать» его. У Калининграда все более отчетливо оформляется миссия, хотя пока ещё далекая от реального воплощения – миссия, в которой город воспринимается как «мост» между различными культурами.

В годы перестройки и в постсоветское время в облике города произошли значительные изменения, которые во многом обусловлены снятием запрета на изучение и популяризацию немецкой истории края, а также открытием города и области для иностранцев в 1990 году. Первыми признаками «присвоения» изначально немецкого культурного пространства и того, что этот процесс начинает приобретать характер массового явления, можно считать начало реконструкции средневекового собора на острове Канта (1994 г., в настоящее время Собор восстановлен) в качестве музейного комплекса и духовно-культурного центра и установление рядом с университетом города копии памятника И. Канту (1992 г.), который исчез после войны и был восстановлен в Германии стараниями немецкой журналистки и общественного деятеля графини Марион Дёнхоф.¹ В

¹ Гальцов В. И., Бабенко Н. Г., Шкуркина Ю. А. Калининград. Российский город с немецкой историей. С. 110-111.

современной стилистике города часто используются мотивы старого Кёнигсберга (здания с башенками, высокие псевдо-кирпичные крыши, имитация фахверка), наиболее ярко это проявилось в строительстве на берегу р. Преголи комплекса «Рыбная деревня», стилизованного под средневековую архитектуру. К 750-летию юбилею города в 2005 году, при проведении которого ключевым с точки зрения процесса преодоления разрыва культурной памяти стал противоречивый слоган: «750 лет Калининграду»¹, были отреставрированы Королевские ворота, создана копия утраченного памятника герцогу Альбрехту, основателю университета Альбертина². Властями города было принято решение о восстановлении Королевского замка.

Активно проводящиеся в последнее время социологические опросы среди молодежи (18-35 лет) фиксируют и подтверждают изменение восприятия культурного наследия города. Если долгое время после войны памятниками культуры считались военные мемориалы и символы Победы, то на сегодняшний день, по итогам одного из опросов, почти 72% опрошенных называют в качестве памятника архитектуры, близкого по духу, Кафедральный собор, вторым популярным объектом являются Королевские Ворота с барельефами Оттокара II Пржемысла, герцога Альбрехта и Фридриха I, их выбрали почти 42%.³ Другой опрос показывает, что абсолютное большинство респондентов (93,2%) видит необходимость в восстановлении зданий, представляющих историческую и культурную ценность (относительно конкретных объектов мнения опрошенных разделились: 30,9% выступают за застройку острова Канта, 36,1% - за восстановление Королевского замка, 32% считают необходимым

¹ Weichbrodt M. Identität und Stadtentwicklung in Kaliningrad: raumbezogene Identität, Geschichte und symbolische Architektur in der aktuellen Stadtentwicklung in Kaliningrad. S. 17.

² Гальцов В. И., Бабенко Н. Г., Шкуркина Ю. А. Калининград. Российский город с немецкой историей. С. 111.

³ Берендеев М.В. Кто мы? Калининградцы в поисках идентичности. С. 9-10.

восстановление всего центра города)¹. Занимательный опрос в 2007-ом году провела газета «Комсомольская правда»: в несколько этапов путем голосования по всей области был составлен перечень «Семи чудес Янтарного края», куда в финальном отборе вошли только довоенные сооружения (Кафедральный собор, Королевские ворота, Башня Дона, бывшая кирха памяти королевы Луизы, кирха Св. Семейства, Мост королевы Луизы, здание Кёнигсбергской биржи).²

Сдвиг в восприятии городского пространства заметен также и на языковом уровне; так, «Кёниг» — самый распространенный «разговорный» топоним, используемый практически всеми жителями города и области для обозначения города Калининграда (отметим, что именно «разговорные» топонимы хранят живую историю города, отражают психологию его обитателей)³. В информационно-рекламной среде распространено использование названий, связанных с Кёнигсбергом и его знаковыми местами – в названиях фирм, брендов, в рекламе и афишах, этикетках на продуктах (сеть кафе «Konigsbacker»). Примечательным является повсеместное использование образа Королевского замка (сувениры, открытки, оформление веб-страниц), разрушенного почти полвека назад, но сохраняющегося в сознании горожан; более того, Королевский замок абсолютно узнаваем даже для тех, кто родился уже после сноса его руин.

Начиная с 1990-х гг. идет непрерывный процесс адаптации и восприятия или, выражаясь точнее, «присвоения» немецкого историко-культурного наследия Калининграда как «своего» (укорененного в общеевропейской традиции и нашедшего продолжения в традиции русской; восстанавливается причастность к мировой истории). Стоит подчеркнуть, что речь идёт не о простом слиянии немецкой и русской культур, а именно о включении в поле русской культуры, к которой, несомненно, принадлежит

¹ *Кривошеев В. В.* Историческое сознание студенческой молодежи: итоги опроса в калининградских вузах. С. 88.

² *Гаврилина Л. М.* Символическое пространство «Калининградского текста». С. 71.

³ *Рубцова Л. В.* Топонимика Калининграда как явление фольклора. С. 109 .

Калининград, фрагментов довоенного культурного наследия Кёнигсберга (не только руин, но и ландшафта, событий, отдельных личностей – особенно хотелось бы выделить фигуры И.Канта и Э.Т.А. Гофмана, прочно вошедших в местный фольклор), переработка культурной памятью смысловых импульсов, получаемых от реального кёнигсбергского пространства. Неверное по своей сути усвоение без переосмысления может привести к тому, что развитие и будущее города будут видеться исключительно в возрождении его прошлого, что навредит не только текущему семиотическому полю, но и существенно обеднит, «законсервирует» смысловое поле идеализируемых руин.

Жители Калининграда, особенно то поколение, которое уже родилось и выросло здесь, более не может относиться к руинам и остаткам старого города Кёнигсберга как к чужому явлению. Эти здания и памятники, задающие смысловую структуру культурного ландшафт, способствуют самосознанию горожан и определяют их восприятие не только самих себя, но и других, мира в целом. Проблема сохранения культурной памяти культурного ландшафта Калининграда в его мультитемпоральности, переживания взаимосвязи «чужого» и «своего», прошлого и настоящего, Кёнигсберга и Калининграда, становится проблемой самосохранения городского сообщества, решение которой будет в дальнейшем определять развитие города. Наглядной иллюстрацией момента выбора по отношению к культурной памяти, в котором сейчас находится калининградское сообщество как «поколение преодоления», является книга-фотоальбом калининградца Д. Вышемирского под названием «Кёнигсберг, прости»: «Станный город. Странствующий. Неприкаянный. Город, притаившийся в истории и в мыслях своих жителей. Кто Ты? Кёнигсберг? Калининград? Не знаю. Но я знаю, что Ты — мой город. Я люблю Тебя уже больше сорока лет — столько, сколько помню себя»¹.

¹ *Вышемирский Д.* Кёнигсберг, прости.. С. 236.

Через осмысление отношения к чужой истории и культуре, во взаимодействии с ними проходила жизнь жителей Калининграда. Даже в фазе отчуждения или замалчивания механизмы культурной памяти функционировали через обращение (в том или ином виде) к прошлому, при помощи которого создавалось и укреплялось самосознание группы; события прошлого были вписаны в ландшафт, и руины как открытые раны Кёнигсберга и маркеры разрыва культурной памяти в своём избыточном материальном присутствии, лишённые имени, истории и контекста, смогли сконцентрировать в себе вневременность и многовременность, ставшую ключом к раскрытию города с двойной историей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе рассмотрена взаимообусловленность человека и пространства, «данность» человеческого бытия в пространстве как одна из ключевых характеристик бытия человека в целом. Эта характеристика, для выявления её основных черт, была конкретизирована через понятия места, культурного ландшафта и городского пространства как особого типа культурного ландшафта. При описании взаимодействия человека и пространства был проанализирован процесс семиотизации последнего, а также рассмотрены происходящие при осмыслении пространства субпроцессы, такие как формирование, сохранение, обновление и генерация культурной памяти человека и группы, связанных с конкретным культурным ландшафтом, и поддержание посредством этой памяти идентичности группы. В качестве территориальной группы как единицы рассмотрения из самосохраняющегося во времени общества, проживающего на определенной территории, было выделено поколение и, соответственно, рассмотрена специфика культурной памяти поколения. Таким образом, семиотизация пространства выявила себя в качестве механизма, обеспечивающего адекватное функционирование культурной памяти; также была установлена взаимосвязь между процессом семиотизации и процессом культурной памяти, образующими определенную систему построения человеческого бытия в мире, где нарушение или разрыв в одной из взаимосвязанных частей (физическое уничтожение места или «болезненное» событие в памяти) отражается в деятельности другой.

В качестве особого вида культурного ландшафта был отдельно рассмотрен феномен руин. Был выдвинут тезис о хронотопичности руин, обладающих высокой сопряженностью временно-пространственного континуума и выступающих в качестве единства двух ключевых для бытия человека констант – пространства и времени. Была дана характеристика руин как возможного материального носителя культурной памяти,

оговорена его специфика, заключающаяся, прежде всего, в возможности существования и даже взаимодействия с человеком вне изначального культурного поля и рамок культурной памяти, к которым изначально принадлежала руина (в том числе руины могут быть рассмотрены как носители безвозвратно прошедшего прошлого, чужого прошлого, никогда не существовавшего прошлого и так далее), то есть подтверждается свойство хронотопичности руин как вневременного и при этом заключающего в себе множество темпоральностей явления. Исходя из этого наблюдения, предлагается метод обнаружения изменений в семиотическом процессе территориальной группы посредством корреляции с хронотопом руин, благодаря которому можно зафиксировать как временную, так и пространственную константу.

В данном контексте был рассмотрен процесс семиотизации городского пространства города Калининграда (до 1946 года – Кёнигсберга). В качестве городского пространства, по отношению к которому выстраивалось самосознание населения и которое служило носителем культурной памяти, были обозначены руины старого города Кёнигсберга. В процессе работы было установлено наличие влияния поколенческого аспекта на изменение рамок культурной памяти и сам процесс осмысления пространства. Также была дана характеристика трёх основных этапов изменения семиотических процессов и процессов культурной памяти, соответствующих смене поколений: фаза отрицания (первые переселенцы, послевоенные годы), фаза забвения или умалчивания (советское население) и фаза принятия (российское поколение). Следует подчеркнуть, что в ходе работы были сделаны выводы, подтверждающие связь, но отнюдь не полную детерминированность функционирования культурной памяти с политическим курсом; намечена проблематика соотношения практик культурной памяти «снизу» и «сверху». Координируя работу о семиотическом пространстве Калининграда с работами А. Ассман о Германии, можно выявить параллель в обнаруженной трёхступенчатой

схеме преодоления болезненного события (отрицание, забвение, принятие), которая может быть рассмотрена и по отношению к другим регионам и странам.

Подводя итоги исследования взаимосвязи поколенческого аспекта и процесса семиотизации пространства, следует указать необходимость углубления темы, проверки выдвинутой модели хронотопа руин как носителя памяти на примере других регионов, включения темы семиотизации пространства в более широкий контекст, выходящий за пределы территориальной идентичности. Также необходимы дальнейшие исследования темы руин как особого носителя культурной памяти в России, так как Россия обладает собственным опытом обращения с руинами, отличным от «романтического» европейского подхода и характеризующимся преимущественно стремлением исключения руин из культурного ландшафта путём физического уничтожения или тотальной реставрации.

Анализ процессов культурной памяти и процессов семиотизации обеспечивает выработку подходов, обуславливающих понимание людьми друг друга и самих себя, и именно это понимание может стать основой для преодоления не только межпоколенческих линий разлома, но и более острых культурных разрывов, нуждающихся в терапевтическом действии, в проработке и принятии – без нарушения молчания невозможно обрести голос. Настоящее нуждается в сосуществовании с прошлым для того, чтобы иметь возможность будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамошкина Л. Е.* Генеративный принцип биографического текста культуры // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №4. С. 61-69.
2. *Артамошкина Л. Е.* Топос, ландшафт, биография: концепция культурной памяти // Вестник КГУ. 2013. №2. С. 174-178.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
4. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
5. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит., 1975. С. 234—407.
7. *Берендеев М.В.* Кто мы? Калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. М.: Наука. 2007. №4. С. 1-13.
8. *Васютин О. И., Попадин А. Н.* Городской палимпсест: Градостроительная практика в Калининградской области (1945—1990) // Слово.ру: Балтийский акцент. 2013. №1. С. 97-123.
9. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
10. *Вышемирский Д.* Кенигсберг, прости: Фотоальбом. Калининград: рiсторiса, 2007. 240 с.
11. *Гаврилина Л. М.* Символическое пространство «Калининградского текста» // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2012. №2 (18). С. 66-72.
12. *Гальцов В. И., Бабенко Н. Г., Шкуркина Ю. А.* Калининград. Российский город с немецкой историей // МИРС. 2008. №4. С. 107-114.

13. *Головнёва Е. В.* Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. №5. С. 42-50.
14. *Дементьев И. О.* Современная зарубежная историография об исторической политике в советском Калининграде. // *Калининградские архивы: материалы и исследования: сб. ст. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта.* 2015. № 12. С. 233—250.
15. *Замятин Д. Н.* Геокультурный брендинг территорий: концептуальные основы // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. №5. С. 11-23.
16. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели. // *Культурная и гуманитарная география.* Т. 1. 2012. №1.
17. *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук. // *Социологическое обозрение.* 2011. №9(3). С. 26-50.
18. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
19. *Замятин Д. Н.* Феноменология географических образов. // *Журнальный зал Русского Журнала: НЛЮ,* 2000. №46.
20. *Зиммель Г.* Руина // *Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т.2. Созерцание жизни.* М.: Юристъ, 1996. 607 с.
21. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
22. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
23. *Киреева О. В.* Город в культурологической мысли XX–XXI веков // *Вестник СПбГУКИ.* 2014. №1 (18). С. 23-26.
24. *Клемешева М. А., Костяшов Ю. В., А. Н. Попадин и др.* Восточная Пруссия глазами советских переселенцев: Первые годы Калининградской

области в воспоминаниях и документах. / руководитель авторского коллектива Ю. В. Костяшов. СПб.: Изд-во «Бельведер», 2002. 272 с.

25. *Костяшов Ю. В.* Заселение Калининградской области после Второй мировой войны // Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография. М.: Международный научный фонд, 1996. С. 82-88.

26. *Костяшов Ю. В., Маттес Э.* Изгнание прусского духа. Запрещенное воспоминание. Кострома: Костромской государственной университет, 2014. 162 с.

27. *Костяшов Ю. В.* Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2016. №4. С. 79-102.

28. *Костяшов Ю. В.* Советизация Восточной Пруссии после войны // *Mažoji Lietuva: paribio kultūros tyrimai*. Vilnius, 2012. С. 183-206.

29. *Кривошеев В. В.* Историческое сознание студенческой молодежи: итоги опроса в калининградских вузах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. №6. С.85-89.

30. *Лавренова О. А.* Семантика культурного ландшафта / Автореферат. М., 2010.

31. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб: «Искусство—СПБ», 2000. 704 с.

32. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.

33. *Маслов В. Н.* Образ Калининградской области на страницах газеты «Калининградская правда» советского времени // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2016. №3. С. 25-35.

34. *Никонова А. А.* Культурное наследие и формирование идентичности // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2009. №2. С. 203-209.

35. *Окунев И. Ю.* Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. №1. С. 18-24.
36. *Пахолова И. В.* Феномен возможного прошлого в пространстве города // Вестник СамГУ. 2013. №5 (106). С. 21-25.
37. *Подорога В. А.* Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995. 432 с.
38. *Ревзин Г. И.* Почему от WTC не осталось руин? // Проект Классика. 2003. №6. С. 46-49.
39. *Реш О.В., Антонова Е.Л., Туркина В.Г.* Проблема сохранения культурной памяти и культурного наследия // Наука. Искусство. Культура. 2015. №3 (7). С. 29-34.
40. *Рубцова Л. В.* Топонимика Калининграда как явление фольклора // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. №8. С. 107-110.
41. *Сологубов А. М.* Переселенец как Homo scientis: эпистемологический аспект освоения Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. №6. С. 39-46.
42. *Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.
43. *Шёнле А.* Архитектура забвения. Руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: НЛО, 2018. 360 с.
44. *Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
45. *Assmann A.* Erinnerungsräume: Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses. München: C.H.Beck, 2011. 424 S.
46. *Breyer T.* On the topology of cultural memory: Different modalities of inscription and transmission. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2007. 124 S.

46. *Brodersen P.* Die Stadt im Westen: Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008. 367 S.
47. *Dementiev I.* Bridges to nowhere? Identity of the residents of the Kaliningrad region in the 21st century // Facets of Identity – the Baltic Sea Region and beyond. 2014. pp. 60-65.
48. *Erll A.* Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. Stuttgart: J.B. Metzler, 2011. 243 S.
49. *Hoppe B.* Auf den Trümmern von Königsberg: Kaliningrad 1946-1970. München: De Gruyter Oldenbourg, 2000. 166 S.
50. *Jähnig B.* 750 Jahre Königsberg: Beiträge zur Geschichte einer Residenzstadt auf Zeit. Marburg: Elwert N. G., 2008. 640 S.
51. *Malpas J.* Heidegger and the Thinking of Place: Explorations in the Topology of Being. Cambridge: The MIT Press, 2012. 388 p.
52. *Podehl M.* Architektura Kaliningrada. Wie aus Koenigsberg Kaliningrad wurde. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2012. 420 S.
53. *Stewart P., Strathern A.* Landscape, Memory and History: Anthropological Perspectives (Anthropology, Culture and Society). London: Pluto Press, 2003. 256 p.
54. *Weichbrodt M.* Identität und Stadtentwicklung in Kaliningrad: raumbezogene Identität, Geschichte und symbolische Architektur in der aktuellen Stadtentwicklung in Kaliningrad. // Europa Regional. 2009. № 1. S. 15-24.
55. *Wesener A.* The Good, the Bad, the Authentic: An evaluation of concepts, experiences, and considered values of authenticity of place in the context of the post-industrial city. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2014. 396 p.